

СТОЯ ПОСРЕДИ
ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ
ВДРУГ ПОЧУВСТВОВАЛ.

КАК СИЛЬНО ОНА
ПРИВЯЗАНА
К СТОЛПУ,
А Я К НЕЙ.

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ВОТ БАБЫ, ВРАТЬ ИМ НЕЛЬЗЯ.
ВСЁ РАВНО ДОГАДАЮТСЯ. ПРАВДУ ГОВОРИТЬ
ТОЖЕ НЕЛЬЗЯ, ВСЮ ДУШУ ВЫМОТАЮТ.

ПРИ-
ВЯЗАННОСТЬ

Ринат Валиуллин
Привязанность
Серия «Антология любви»

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/24721911>

Привязанность: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100017-2

Аннотация

<p>«Привязанность» – я взял этот роман несколько лет (часть книги даже выходила в свет отдельным изданием), то откладывая текст, считая его законченным, то возвращаясь к нему вновь, будто что-то забыл. Сказать. Важное. Слишком глубока тема, слишком знакома каждому из нас, слишком близка, слишком болезненна. Речь не только о привязанности одного человека к другому, к тем, кто нас любит, но еще сильнее – к тем, кто недолюбливает, к деньгам, к вещам, к гаджетам, к месту, к Родине, к привычкам, к дому, к друзьям нашим меньшим, к обществу, к болезням, к работе, к обстоятельствам, к личному, безличному и наличному. Привязанность. Не путать с любовью, дружбой, заботой, великодушием, чтобы в один жуткий день не обнаружить, что привязаны за поводок к столбу.</p>

Ринат Валиуллин

Привязанность

© Р. Валиуллин

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Привязанность – это вам не поводок и даже не веревка, это вязанка дров, которую вы тащите на спине, в надежде развести огонь, но хватит ли его, чтобы согреться...

Мы же словно дворовые собаки, сильнее привязываемся к тем, кто нас недолюбливает. Так и живем, пока в один жуткий день не обнаружим, что привязаны за поводок к столбу.

* * *

Шарль вышел из кинотеатра, достал сигарету и закурил. В Булонском лесу его чувств было спокойно как никогда. Мужественное лицо, пережившее не одно падение нравов, скачков курса душевных акций и обмена валюты ценностей, выражало полное безразличие к этому миру, даже когда рядом проехал грузовик. Это был другой Шарик, который уже никогда не сможет броситься за ним с весёлым лаем выгонять накопившиеся эмоции и гормоны. «Куда всё ушло?» – подумал пёс. Он поправил рыжий меховой воротник чёрного пальто, на котором благородная проседь блестела серебром благополучия, и медленно двинулся в сторону дома. Жизнь, какой бы она ни была собачьей, всё же удалась.

* * *

– Дорогу! Дорогу!

Я поднял глаза, навстречу ко мне двигалась сама весна. Дружно и громко. Зеленая клумба, скорее даже Газон, вдруг сорвавшийся с ручника, сметал с пути застывшее, застоявшееся, ненужное. Зима в виде пуховиков и пальто уступала. Весна шла южными ногами. Средняя Азия толкала тележку, груженную зеленью, которая оставляла после себя све-

жий шлейф укропа, кинзы и тархуна. Весна наступала с Востока, она тонко прорастала во всем и во всех.

Рядом с Кузнечным рынком – особенно плодородно. Как настоящий кузнец, рынок ковал весну, и каждый уходя мог захватить с собой пучок весны, а может быть даже кусок лета. Сунул в пакет зелени, помидоров, клубники и пошел греться.

Здесь, на Владимирской, город звенел буднями вызывающе, базар был тем неутомимым дизелем, от которого люди получали энергию. Говорили все: машины, прохожие, двери, телефоны, деревья, птицы... Все о своем. Эта какофония, изъятая у различных инструментов, создавала впечатление великого хаоса, из которого в конце концов что-то должно было родиться. Гений, благодетель, злодей или беспородная помесь того и другого, в зависимости от настроения. Каждый день город-оркестр играл одну и ту же мелодию: в будни концерт начинался в шесть утра, когда свет еще был привязан к столбам, с наполняющих улицы авто; в выходные музыканты приходили позднее, где-то в девять. Медленно, вальяжно они доставали из чехлов свои инструменты, долго настраивались, чтобы наконец дунуть, создать какой-никакой ветер. Стоило только прислушаться, как звуки – режущие, колющие, шипящие – начинали бить барабанную дробь в мои перепонки. Обрывки чужих разговоров, словно обрывки газет, считывались и пропадали мгновенно.

– А тебе слабо со мной поговорить? По душам. С глазу

на глаз.

Не было бы ничего странного в этой случайно упавшей в мою раковину реплике, ее бы смыло скоро другими, если бы не человек. Всегда забавно смотреть на человека с гарнитурой, который болтает сам с собой, по душам. Монолог – он всегда выглядит искренне.

– Огурцов и помидоров? Хорошо. Что-нибудь еще? Я понял – свежих, – это серое пальто получало рекомендации, видимо, от жены, потому что не заметило лужу и прошло по ней, как посуху. Весна – это время, когда возмнившая себя вода снова становится водой. И только человек остается человеком. Он решителен, он послушен, он непотопляем. Его лакированные туфли, словно рыбки, ныряли и выпрыгивали вновь, пока не пересекли океан. Пример обычного бытового вдохновения. Пример для всех, но не для меня, так как не было у меня никакой жены, кроме бывшей. Я пошел бережком, вслед за двумя дамами, которые еще не прошли в дамки и ходили пешком.

Слух мой уже начал разбор предложений на слова, что несли они с собой, и скоро я мог узнать, чем дышат дамы весной, но в этот момент в симфонию вступила звонница собора, словно кто-то великий начал играть в колокольчик в беспокойных покоях города, с каждым взмахом проникая все глубже в самую душу, вызывая слуг на службу.

От звона воздух стал еще свежее и прозрачнее, захотелось закурить. Делал я это редко, потому что бросил. Бросил, но

не завязал окончательно, как это часто бывает в отношениях. Затягиваешь это дело, словно вредную привычку, травмишься и продолжаешь бросать, словно это доставляет тебе удовольствие.

* * *

Я вышел из магазина, держа в руках пачку сигарет. Остановился возле массивной урны для мусора и стал медленно тянуть за ленточку, на которую была закрыта пачка. Скомкал целлофан и бросил в урну.

Рядом с ней, выискивая чей-то след, одинокий лохматый пес поднял глаза и посмотрел в мои очень трогательно. Как не всякий окулист, прямо на самое дно моих яблок. Его средиземноморские не моргали.

«Курить будешь?» – не знал я, с чего начать знакомство.

«Я не курю», – повела мордой собака.

«Это правильно», – открыл я пачку и достал сигарету. Пес внимательно наблюдал за моими руками.

«Голодный?» – послал я ему мысленно вопрос.

«Спрашиваешь», – ответил он мне короткой эсэмэской.

«Жди здесь», – указал я ему пальцем и снова зашел в магазин.

Пока я стоял в мясном отделе, в голове крутилась собака, которую я когда-то всерьез хотел завести. Я листал справочники по кинологии заранее, чтобы не как после женитьбы, когда мы послесловием изучаем гороскопы, сваливая все на звезды. Сначала моему мягкому характеру выпал спаниель. Оказывается, он, несмотря на всю свою пушистость, лидер по развлечению. Жену, детей, скуку – их надо развлекать постоянно. Так думал я, но спаниель, хоть и нравился мне своими добродушными кучеряшками, никак не встраивался в мою концепцию верного друга.

Я склонялся к сторожевым, все-таки дом, его надо охранять, особенно в мое отсутствие. Овчарку? Она бы напомнила мне соседку. Лабрадора? А где взять столько чувств? На жену-то не хватало, по ее словам. Кавказца, среднеазиата? Слишком популярны, их на каждом углу. Кане-корсо, фила-бразилейро? Этими нужно заниматься серьезно, иначе можно потерять лидерство. Заниматься не было времени. В итоге остался без собаки, а потом и без жены. Договаривались остаться друзьями, но куда там! Кому нужны такие друзья? Ни ей, ни мне.

– Хватит столько? – перебила меня продавщица, поглядывая на весы.

– Да, пожалуй.

– Тифлюнь, тифлюнь, – дергали за связки весенние птички, потом позвонили еще раз: тифлюнь, тифлюнь. Не думай, что это смс-ка с бесполезной рекламой. Открывай, это пришла весна. Все ручейки слез, суеты, эмоций, все стекалось так или иначе в Неву, как стекаются улицы, переулки, дворы, подворотни в Невский. Человечество, граждане, люди, людишки, мысли, помыслы, поступки, подвиги, все стекалось, в эту артерию, достаточно было выйти на набережную. Медленно, но туда же, меня тоже несло к Неве.

Весна – таяли даже самые замороженные. Таяли в Неву, это было заметно, стоило только опустить глаза. Отдохнуть от серого вещества лиц, интересы которых только начинали пробуждаться, лица которых едва-едва начинали примерять улыбку. Внизу бежали ручьи, толкая по воде случайные фантики, веточки, соломинки к планам, мечтам, победам. Вспомнилось детство, когда любой спичечный коробок становился фрегатом в бурных потоках весеннего половодья. Бежишь за ним до тех пор, пока он не врежется в гладь огромной глубокой лужи, в которую уже не полезешь, заругают. Прощай, мечта. Наблюдаешь ее с берега, пока не скроется, а ты побежишь за новой.

Я бросил неприкуренную сигарету в стремнину. Вода подхватила яхту и понесла за собой. Собака, быстро покончив

с сосисками – она заглатывала их сразу по две, кинулась с лаем за моей мечтой. «Так можно и напугать», – не успела пророчески вильнуть хвостом мысль, как судно мое промокло окончательно и зацепилось за берег. «Напугал», – усмехнулся я, но тут же заметил, что пес летел отнюдь не за моей мечтой. У него была своя. Подружка ждала его метрах в пятидесяти и уже виляла хвостом. «Какая костлявая. Но, видимо, сахарная косточка, раз кобель ее так лобызал». Тут мой баркас снова сдвинулся с места и пошел к своему морю. Теперь это была уже груженная баржа. Кто ее так нагрузил? Когда? Мою мечту? Я только взглядом за ней. Чем дальше она, тем громче вокруг незнакомые голоса:

– Ты должен смотреть на меня все время.

– Я что, исключение? Ты же знаешь, что вечно можно смотреть только на огонь, звезды и работающих людей. На тебя я могу смотреть, когда ты горишь, светишься, в крайнем случае работаешь.

Ты не знаешь их, но знаешь, о чем они. Тут и там голоса других, они вспыхивали, как спички в общем костре. И были на слуху, но недолго, безопасно, не успев разжечь огня интереса к себе.

* * *

«Жрать хочется, да и секс был бы нелишним, – чувствовал Шарик, что в желудке от холодных сосисок осталась только

теплая ностальгия. – Что же все-таки на первом месте: жратва или размножение? Надо Фрейда перечитать. Блин, где же я вчера кость закопал? Так... В этом бачке нашел, потом подрался из-за нее с Тузиком вот здесь. В этом углу я его мутузил! Так, потом побежал в парк, где-то на клумбе у памятника... – рассуждал про себя Шарик. – Здесь у нас кто? Пушкин? – нет, тот был лысый... А, вот он! Узнаю клумбу... О-о-о!» – начал рыть землю Шарик. Когда он уже облизывал кость, к нему подбежала еще одна дворняга:

– Здравствуй, Шарик!

– Привет, Карма. – Поцеловались.

«Чем от нее так несет? Опять она зубы не почистила!» – опустил он голову, чтобы не слышать этого запаха, и двинул лапой вперед кость. – Грызть будешь? У меня тут говядина, прошу к столу! Что ты нос воротишь? Кость-то совсем свежая, я ее вчера нашел.

– Ты такой гостеприимный, Шарик. Больше ничего нет?

– Только воспоминания. Какой-то добряк приезжий купил мне полкило говяжих сарделек.

– Прямо полкило? – облизнулась Карма.

– Не меньше, – приблизился к ней Шарик.

«Поздно, – подумал он про себя, понюхав у Кармы под хвостом. – Зря только косточку потратил... ну, ладно, как-нибудь в другой раз... вот бабы, знают же, что продолжения не будет, но от ужина никогда не откажутся».

Женщины всегда делились для него на три большие группы: первые – доверчивые, которые жили верой в светлое будущее, вторые – что уже потеряли веру и довольствовались надеждой, в третью группу входили те, что любили, любили его. Входили и выходили. Торча в своем одиночестве, он упорно делил их на группы, не отдавая отчета себе в том, что делиться и размножаться совсем не одно и то же. Шарик оставил Карму за столом и побежал дальше, на поиски еды.

«Где бы мне пожрать? – перебегали впереди него дорожку мысли. – Куда ты прешь, урод, на своем «Опеле»?! Что ты орешь? Я даже слова такого не знаю – шелудивый. Нет, не надоело еще. И как бы она мне ни надоела, моя жизнь, я сам

разберусь с ней, в крайнем случае терять ее под твоим козырьком точно не хотелось бы. Разуй глаза! Не видишь, зеленый мне горит! – продолжал рычать про себя Шарик. – Может, к Мухе? У нее всегда была заначка. Так трудно бегать на голодный желудок, старею, что ли? Да нет, показалось...» – прибавил он ходу.

– Шарик! – бросилась на грудь ему мохнатая рыжая сука.

– Муха, привет! (поцеловались) «И от тебя, как от Кармы, несет, вчера в одной помойке рылись, что ли?» – промолчал Шарик. – Есть че пожрать, а то я на этой неделе не завтракал... Слушай, давай потом эти игры, – отстранился он от Мухиной привязанности. – Дай сначала червячка заморить...

– Макароны будешь?

– Да, сойдет! А соус есть? – набросился пес на еду. – Кстати, ты не знаешь, что такое шелудивый? – при виде соуса вспомнил красную морду водителя «Опеля» Шарик.

– Шелудивый? Не, не знаю, мне кажется, от слова дивный, – блеснула филологическая искра в голове Мухи.

– А вот мне так не показалось, хотя я не против, – метал макароны Шарик.

– Мне все время говорят, что я хорошо сохранилась, – умилялась его аппетитом Муха. В душе она все же мечтала, чтобы он так же набросился на нее. – Как ты думаешь – льстят?

– А они как выглядят? – не отрывался Шарик от миски,

которая в свою очередь делала его голос еще более проникновенным.

– Тебе честно сказать?

– Нет, честно скажи им. Тогда ты точно узнаешь, льстят или нет.

– А ты где сейчас живешь? – продолжала вертеть перед ним хвостом Муха.

– В бочке из-под коньяка.

– Я смотрю, выдержанный стал, помудрел, что ли?

– Ага, как Диоген.

– Кто это?

– Древнегреческий философ, который жил в бочке.

– Значит, ты не одинок.

– Нет, не одинок, там столько ароматов, ведь для коньяка были отобраны лучшие сорта винограда.

– У кого?

– Думай, что говоришь.

– Зачем мне думать, когда хочется просто поговорить.

– С тобой невозможно, Муха. Дай поесть спокойно, – не отрывая морду от тарелки, повернулся к ней задом Шарик.

– Да ешь, кто тебе не дает.

«Кто мне только не дает. Но все не то, все не то», – про себя пробурчал Шарик.

Муха же ненадолго оставила его в покое и попыталась занять себя чем-нибудь, напевая бархатным голоском: «Как же мне хочется, как же мне хочется вам насолить. Я не злопа-

мятна, это всё одиночество, на которое вы меня обрекли».

– Шарик, я давно хотела тебя спросить.

«Черт! – огрызнулся тот про себя. – Сейчас начнет разводить на чувства. Ну что за дурацкая женская привычка лезть в душу на голодный желудок?!»

– Ты никогда не хотел быть человеком?

– Хотел, конечно, хотел... только расхотел, после того как прочел «Собачье сердце».

– О чем книга? – лениво спросила Муха, всем своим видом демонстрируя равнодушие к литературе.

– О полном распаде иллюзий. После этой книги вижу один и тот же сон.

– И что там? – заинтересовалась Муха.

– Кот.

– Кот? – чихнула Муха.

– Ты не простыла? – сверкнули заботой зрачки Шарика.

– Нет, у меня на кошек аллергия.

– А кот не простой, говорящий, – убрал последнюю макаронину Шарик, облизнулся и положил морду рядом с миской.

– И с кем же он говорит? – еще раз чихнула Муха и виновато зажмурилась.

– Со своим хозяином.

– А-а, – понимающе завывла Муха, – это значит, что ты, как всякая собака, в поиске хозяина.

– Да, только у этого хозяина моя душа.

– Черт, как все запутано, дай подумать... Значит, в прошлой жизни ты был человеком, а в следующей будешь котом.

– Этого мне только не хватало.

– Да, нежности тебе всегда не хватало.

– Ну, по крайней мере будет повод жить долго, – не слушал ее Шарик. Он закрыл глаза и задремал.

«Какая из жизней сработает на этот раз? – думал про себя Шарик. – Если политика ушла в бизнес, старики требуют реставрации, средний класс обнищал, молодежь подседа на алкоголь, наркота изолирует их от подлинных переживаний души и тела. Артисты, художники, писатели – фуфел, культивирующие стёб и цинизм. При низком уровне жизни низок и уровень духа, хотя цинизм – это не плохо, в нем гораздо больше правдивого, чем в демократии, чем в либералах, ставших консерваторами, удерживая власть. Только хочется спросить у них: а что в консервах? – Тушеное мясо рабочей силы, из него можно приготовить любое блюдо, лишь бы хватило водки, люди будут бухать и пахать, на то они и созданы. Уважение – где оно? Хотя бы к себе самому, люди готовы отдаться за несколько сотен, за несколько макаронин, – посмотрел на пустую миску Шарик. – Фигурально, а некоторые даже на полном серьезе готовы. Что же сделало нас скотом, таких чувствительных и разумных? Что?»

Я сидел на двадцатом этаже, в офисе, левой рукой листая картинки в журналах своих конкурентов. Задница моя была встроена в кожаное кресло нашего издательства, правая рука была занята чашкой, голова делом, сердце – пустотой, я пил небольшими глотками кофе, который только что сварила моя секретарша. Неожиданно позвонил кот:

– Тут сосед зашел, просит присмотреть за его зверушками.

– Какими зверушками? – захопнул я от такого поворота журнал. – Мне тебя с головой хватает. – Кофе вдруг стал горьким.

– Слушай, давай я ему трубку дам, он тебе объяснит все сам.

– Ладно, – обжег я язык кофе, и матерное слово, что болталось на его красном кончике, пробежало вниз по моему телу, словно электричество.

– Извините, не могли бы вы присмотреть за моими, ко мне девушка приезжает.

– А животные дикие?

– Нет, они очень смирные. Да и животными не поворачивается язык их назвать.

– В смысле? Что за восемь зверей? – мял я трубку.

– Восемь маленьких слов. Никаких хлопот, послушные и

не ругательные. Раз в день погулять, раз в день покормить, не больше. Очень быстро растут, сами понимаете, какие могут быть предложения, в моей-то халупе, один кое-как помещаюсь.

– Вы хотели сделать ей предложение?

– Да, только из этих слов вряд ли его сконструируешь.

– А что за слова? – медленно падало во мне напряжение.

– «Как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве».

Всего восемь словечек.

– И из этих можно состряпать, при желании. Ну да ладно, ведите.

Трубку снова взял кот:

– Какие будут указания?

– Том, покажи, где им расположиться в квартире. Конец связи.

– Хорошо, – повесил он трубку.

Через мгновение Том наблюдал за шеренгой, которая двигалась стройно в мою квартиру, а сосед все давал консультации:

– Том, только имейте в виду, они путаются порой местами, меня общий ход мысли. И вот еще что, «одиночество» – оно очень уж капризное, ему нужно особое отношение.

– Думаю, мы разберемся, – пересчитывал их хвостом кот, закрывая дверь.

Он отвел словам угол спальни, те расселись в самом углу ковра.

– Сидеть тихо, не бегать, не прыгать, хозяин придет, погуляет с вами, – лег он и задремал перед ними.

Три дня прошли бурно, я выходил на улицу с этим детсадом гулять, люди видели «как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве» и не лезли в душу. Лишь однажды отказались пойти гулять «все» и «побыть». Я вышел с «как мне в одиночестве надоело, хочется». В этот день ко мне подошла незнакомая девушка, погладила милых зверюшек и меня заодно. Вечером я пригласил ее на свидание, а еще через неделю она переехала к нам с вещами, вся. Слова, как и обещал, забрал одинокий сосед. С девушкой у него, видимо, не заладилось, не обручилось. Позже я встречал бедолагу, что прогуливался с той же фразой: «Как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве».

* * *

Отличная была сцена для прогулки по родному городу, в котором давно не был, но чего-то не хватало. Меня. Будто я смотрел на все из партера. Мне захотелось переснять ее еще раз с собою в кадре. Я вернулся к исходной.

Вспомнил, как прилетел вместе с птицами, которые кружились в небе над заграницей. От птиц в небе всегда веяло ностальгией и неожиданностями. Однажды сумма птиц сложилась в стаю и образовала на небе уравнение с одним неизвестным «X».

«Куда вы летите?» – захотелось спросить мне их. «Не видишь? Куда мы можем лететь весной?»

«Пора», – решил я уравнение про себя. Стая снова перестроилась в «V», что для них и для меня означало «Возвращение. Домой».

И вот я уже снова шел по знакомым улицам. Мимо Кузнечного рынка, где продают ведрами семеренко и подснежники. Я понюхал цветы – не пахнут. Это был тот самый случай, когда пахло от одного вида. Кругом пахло весной. Весна! Как много в этом звуке бесперспективно отдалось. Круговорот настроений в природе жил по своему сценарию: осень – вянуть, зима – мерзнуть, весна – таять, лето – цвести.

...День был прекрасный, я чувствовал это носом, но никак не мог в это самое «сегодня» попасть. Будто тыкался в великую стену, за которой находился этот лучший день, в те узкие щели, которые пробил солнечный луч, пролезал только нос, только он мог что-то ощущать, остальное тело нет, как в том поверье: тело пройдет в дыру, если пройдет голова, а голова не хотела, не могла, скорее всего не хотела, она жила еще там, где-то, и там ей было хорошо, по крайней мере понятно и спокойно. А день был замечательный.

Срочно нужен был проводник, а еще лучше проводница, которая смогла бы провести в этот день. Которая застелет постель, вовремя разбудит, сварит чай и найдет нужное слово, чтобы воодушевить пусть не на подвиг, хотя бы на поступок. А у тебя будет время ее слушать, то глядя в глаза, то

на букву «V» ее вдохновляющего декольте, то на солнце лимона в чашке, объявляющего рассвет. В ожидании проводника перебивался полупроводниками, довольствовался без неслыханного удовольствия, будто солдат любви на довольствии, во время затяжного похода, обходился сухим пайком.

Нужен был больше, чем приятель, чем друг. Хотя сейчас между ними не было больших отличий. Случай был не тот. Друзья от приятелей отличаются тем, что друзьям звонят, когда что-то случилось, а приятелям – когда хотят, чтобы хоть что-то случилось.

Конечно, ты хочешь, чтобы он, в смысле я, позвонил ей, в смысле тебе, и сказал, что скучает и хочет тебя видеть, слышать, в общем – хочет. Что жизнь его без тебя бесцветна, бессмысленна, безнравственна. Он хочет быть искренним, но последнее вряд ли могло бы тебе понравиться. В общем, он позвонил другой.

* * *

Услышав звук, она открывала не глядя дверь, пускала его, она открывала не ему, а звонку. Как часто мы отвечаем не абоненту, а звонку, будто из уважения к телефону, он же звонит, как можно не ответить. Хуже некуда, когда отношения становятся условным рефлексом, будто входил не он, а звонок. Нас целуют, мы в ответ, нас обнимают, мы расправляем свои руки-крылья. Не то чтобы взлететь, так, не забывать,

что они у нас есть. Объятия.

Когда-то чувства были крепче, их ночь охранял леопард, лежа на полу, слетевший в порыве страсти с плеч хозяйки, укротительницы леопардов. Она любила этот цвет, я нет, я любил ее. Любил. Куда все пропало пропадом? Теперь звонки все реже, все чаще своим ключом, сразу в дверь прошмыгнуть в недра, доставить какое-никакое удовольствие, сначала себе, потом ей, тут же сожрать его вдвоем и на бок, к себе, в свое одиночество. Одиночество – это не проблема, это состояние, оставшееся, когда растрянжирены друзья и близкие.

– Берите, цветы свежие, – увидела мое замешательство хозяйка подснежников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.